

Через муки, через боль
Зевс ведет людей к уму,
К разумению ведет.
Неотступно память о страданье
По ночам, во сне, щемит сердца,
Поневоле мудрости уча.
Небеса не знают состраданья.
Сила — милосердие богов.

Эсхил. Агамемнон
Перевод С. Анта

ПРОЛОГ

8 ноября

Проктор распахнул двойные двери библиотеки, впуская миссис Траск с серебряным подносом, на котором она несла утренний чай.

Погруженная в полумрак комната освещалась только затухающим огнем из камина. Перед камином в «ушастом» кресле Проктор видел неподвижную фигуру, плохо различимую в слабом свете. Миссис Траск подошла к ней и поставила поднос на приставной столик у кресла.

— Я подумала, что вы не откажетесь от чашечки чая, мисс Грин, — сказала она.

— Нет, спасибо, миссис Траск, — раздался тихий голос Констанс.

— Ваш любимый. Жасминовый, первый сорт. А еще я принесла мадленки. Только что испекла — я ведь знаю, как вы их любите.

— Я не особо голодна, — ответила Констанс. — Спасибо вам за беспокойство.

— Ну, я оставлю их на тот случай, если передумаете.

Миссис Траск улыбнулась по-матерински, повернулась и направилась к двери. Когда она подошла к Проктору, улыбка исчезла с ее лица, уступив место озабоченному выражению.

— Меня не будет всего несколько дней, — произнесла миссис Траск вполголоса. — Моя сестра должна выйти из больницы к концу недели. Вы уверены, что справитесь?

Проктор кивнул, проследил за тем, как она торопливой походкой удалилась в кухню, и снова перевел взгляд на фигуру в кресле.

Прошло больше двух недель с того дня, когда Констанс вернулась в особняк на Риверсайд-драйв, 891. Она появилась мрачная и молчаливая, без агента Пендергаста и без всяких объяснений относительно того, что случилось. Проктор, как шофер Пендергаста, его бывший подчиненный по военной службе и ответственный за общую безопасность, чувствовал, что в отсутствие агента именно он обязан помочь Констанс. Ему понадобилось немало времени, терпения и сил, чтобы убедить ее рассказать обо всем. Даже теперь в этой истории было мало смысла, и Проктор не вполне понимал, что же произошло на самом деле. Но он точно знал, что этот огромный дом без Пендергаста изменился — изменился коренным образом. Как и Констанс.

После возвращения из Эксмута, куда она уезжала, чтобы помочь специальному агенту А. К. Л. Пендергасту в частном расследовании, Констанс на несколько дней заперлась у себя в комнате, принимая пищу лишь после долгих уговоров и с большой неохотой. Когда она наконец вышла из своего заточения, то показалась совсем другим человеком: исхудала, стала похожа на призрака. Проктор всегда считал ее хладнокровной, сдержанной, прекрасно владеющей собой. Но в последующие дни ее настроение постоянно менялось: она то пребывала в апатии, то вдруг наполнялась беспокойной, бесцельной энергией и ходила по холлам и коридорам, будто искала что-то. Она потеряла всякий интерес к своим занятиям, которые так увлекали ее прежде: к составле-

нию родословной семьи Пендергаста, исследованию антиквариата, чтению, игре на клавесине. После нескольких тревожных визитов лейтенанта д'Агосты, капитана Лоры Хейворд и Марго Грин Констанс перестала кого-либо принимать. И еще она постоянно была начеку — Проктор не мог бы иначе описать ее состояние. Оживлялась она только в тех редких случаях, когда звонил телефон или когда Проктор приносил почту. Он понимал, что она постоянно ждет весточки от Пендергаста. Но никаких сообщений от него не приходило.

Некое высокопоставленное лицо в ФБР позаботилось о том, чтобы сведения о поисках Пендергаста и о сопровождающем официальном расследовании не просочились в прессу. Тем не менее Проктор постарался собрать всю доступную информацию об исчезновении своего нанимателя. Поиски тела, как он выяснил, продолжались пять дней. Поскольку пропавший был федеральным агентом, для его обнаружения были приложены исключительные усилия. Катера Береговой охраны обследовали воды близ Эксмута; местная полиция и Национальная гвардия прочесали береговую линию от Нью-Гемпшира до Кейп-Энн в поисках хоть какого-нибудь следа, пусть даже клочка одежды. Нырятьщики тщательно исследовали скалы, куда могли унести тело подводные течения и где оно могло зацепиться, прошли сонаром по морскому дну. Но ничего не нашли. Дело официально оставалось открытым, однако негласное заключение сводилось к тому, что Пендергаста — серьезно раненного во время схватки, ослабленного борьбой с коварными приливными течениями, непрерывными накатами волн и холодной, не более десяти градусов, водой — унесло в море, где он и утонул, а тело его исчезло в пучине. Двумя днями ранее адвокат Пендергаста, партнер одной из старейших и наиболее осторожных нью-йоркских фирм, связался наконец с един-

ственным живым сыном Пендергаста, Тристрамом, и сообщил ему печальную новость об исчезновении отца.

Теперь Проктор подошел к Констанс и сел рядом. Она взглянула на него, еле заметно улыбнулась и опять уставилась в камин. Пляшущий огонек отбрасывал тени на ее фиалковые глаза и темные, коротко остриженные волосы.

После возвращения Констанс Проктор взял на себя обязанность приглядывать за ней, зная, что именно этого хотел бы его наниматель. Смятенное душевное состояние молодой женщины вызывало в нем неожиданную потребность защитить ее, что было довольно нелепо, ведь при обычных обстоятельствах Констанс не относилась к тем людям, которые ищут защиты. И все же она была рада его вниманию, хотя и не говорила об этом.

Она выпрямилась в кресле:

— Проктор, я решила спуститься вниз.

Это неожиданное сообщение ошеломило его.

— Вниз? Вы хотите сказать, туда, где вы жили прежде?

Констанс не ответила.

— Зачем?

— Чтобы научиться... принимать неизбежное.

— Почему же нельзя делать это здесь, с нами? Вы не можете снова уйти туда.

Она повернулась и посмотрела на Проктора с таким напряжением, что он слегка отпрянул. Он понял, что бесполезно пытаться ее переубедить. Возможно, она наконец признала, что Пендергаста больше нет... и это все-таки прогресс. Наверное.

Констанс поднялась с кресла:

— Я напишу миссис Траск записку с инструкциями, какие предметы первой необходимости оставлять в кабине служебного лифта. Я буду есть горячее раз в день,

в семь вечера. Но пожалуйста, первые два вечера ничего не нужно — вы и так слишком со мной носитесь. К тому же миссис Траск уезжает, и мне не хотелось бы доставлять вам неудобство.

Проктор тоже встал и взял ее за локоть:

— Констанс, вы должны выслушать меня...

Она опустила взгляд на его руку, потом посмотрела ему в глаза с таким выражением, что он немедленно отпустил ее.

— Благодарю вас, Проктор, за уважение к моим желаниям.

Констанс приподнялась на цыпочки и легонько поцеловала Проктора в щеку, удивив его еще раз. Затем она повернулась и, двигаясь почти как сомнамбула, направилась в дальний конец библиотеки, где за книжными шкафами был спрятан служебный лифт. Констанс повернула два соседних шкафа, открывая проход между ними, вошла в ожидающий ее лифт, закрыла за собой дверь... и исчезла.

Проктор долго смотрел туда, где только что находился лифт. Это было безумием. Он покачал головой и отвернулся. В который уже раз в отсутствие Пендергаста он ощутил, как тень, окутавшая особняк, легла и на него, Проктора. Ему нужно было побыть одному, обдумать все.

Проктор вышел из библиотеки, свернул в холл, открыл дверь, ведущую в устланный ковром коридор, и поднялся по винтовой лестнице в прежние жилые помещения для прислуги. На площадке третьего этажа он прошел по коридору к двери своего обиталища, состоящего из нескольких маленьких комнат. Он вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Нужно было более энергично возражать против ее плана. Теперь, когда Пендергаста нет, за нее отвечает

он, Проктор. Но он знал, что никакие его аргументы не помогли бы. Он давно понял, что при всем его умении убедить почти любого человека с Констанс у него нет ни малейшего шанса на это. Оставалось только надеяться, что со временем Констанс смирится с реальностью, примет смерть Пендергаста и вернется к жизни...

Рука в перчатке, появившаяся откуда-то сзади, обхватила его за грудную клетку и сжала с невероятной силой.

Захваченный врасплох, Проктор тем не менее инстинктивно прореагировал резким движением вниз, чтобы сбить непрошеного гостя с ног, но нападавший предвидел такую реакцию и воспрепятствовал ей. Проктор ощутил укол иглы, которая глубоко вошла ему в шею. Он замер.

— Не советую двигаться, — раздался странный шелковый голос, который Проктор, потрясенный до глубины души, мгновенно узнал.

Он не шевелился. Его поразило то, что кто-то одержал над ним верх, что кому-то вообще это по силам. Как такое возможно? А все из-за того, что он был занят своими мыслями и утратил бдительность. Он никогда не простит себе этого. Особенно потому, что знает: этот человек — злейший враг Пендергаста.

— Ты гораздо опытнее меня в искусстве рукопашного боя, — продолжал ровный голос. — Поэтому я позволил себе уравнять шансы. То, что ты сейчас чувствуешь в своей шее, — это, конечно, игла для подкожных инъекций. Я пока не надавил на поршень. В шприце доза пентонала натрия, очень большая доза. Я попрошу тебя всего один раз, повторять не буду: дай мне знать о своем согласии расслаблением тела. От твоей реакции будет зависеть, какую дозу ты получишь: всего лишь анестезирующую... или летальную.

Проктор взвесил варианты и позволил своему телу обмякнуть.

— Отлично, — произнес голос. — Насколько я припоминаю, тебя зовут Проктор?

Проктор хранил молчание. У него еще будет шанс изменить ситуацию; такие шансы всегда существуют. Нужно только подумать.

— Я уже некоторое время веду наблюдение за этим семейным особняком. Хозяин дома отсутствует и, похоже, больше никогда не вернется. Скорьбь тяжела, как могильный камень. Почему бы вам всем не надеть траур?

Проктор лихорадочно перебирал в мозгу разные сценарии. Он должен выбрать один и реализовать его. Ему нужно время, немного времени, хотя бы несколько секунд...

— Нет настроения поболтать? Ну как хочешь. У меня еще очень много дел, так что я говорю тебе: спокойной ночи.

Почувствовав, как игла скользнула обратно, Проктор понял, что его время истекло... и что он, к огромному его удивлению, проиграл.

Проктор медленно вернулся в сознание из черных глубин. Плавание было дальним и, похоже, заняло немало времени. Наконец он открыл глаза. Веки были тяжелыми, и сил у него хватало только на то, чтобы держать их открытыми. Что случилось? Какое-то время он лежал без движения, оглядывая помещение. Потом понял: он лежит на полу своей гостиной.

Своей гостиной.

«У меня еще очень много дел...»

Все вдруг разом вернулось к нему, нахлынуло безумным потоком. Проктор попытался подняться, но у него ничего не получилось; он приложил удвоенные усилия и на этот раз сумел принять сидячее положение. Собственное тело казалось ему мешком с мукой.

Проктор посмотрел на часы. Одиннадцать пятнадцать. Он отсутствовал немногим более тридцати минут.

Тридцать минут. Один Господь знает, что могло произойти за это время.

«У меня еще очень много дел...»

С неимоверными усилиями Проктор поднялся на ноги. Комната покачивалась, и он ухватился за стол, яростно потрянув головой, чтобы прочистить мозги. Он постоял с минуту, пытаясь собраться с силами и мыс-

лями. Затем открыл ящик стола, вытащил «Глок-22» и засунул его за пояс.

Входная дверь в его квартирку была открыта, за нею виднелся центральный коридор этажа, предназначенного для слуг. Проктор подошел к открытой двери, оперся плечом о косяк, чтобы обрести устойчивость, а потом, словно пьяный, двинулся по коридору. Добравшись до узкой лестницы, он крепко ухватился за перила и на подкашивающихся ногах спустился по двум пролетам на первый этаж особняка. Эти усилия и ощущение крайней опасности, охватившее его, способствовали обострению его чувств. Он прошел по короткому коридору и открыл дверь, ведущую в общие комнаты.

Здесь он остановился и хотел позвать миссис Траск. Но передумал. Сообщать о своем присутствии вряд ли было разумно. К тому же миссис Траск, скорее всего, уже уехала к своей больной сестре в Олбани. И в любом случае это не она была в опасности. В первую очередь опасность грозила Констанс.

Проктор ступил на мраморный пол, собираясь войти в библиотеку, спуститься на лифте в подвал и предпринять для защиты Констанс все необходимые шаги. Но у библиотеки он снова остановился, увидев, что стол перевернут, а по полу разбросаны книги и разные бумаги.

Проктор быстро огляделся. Справа от него, в большом зале приемов, уставленном музейными шкапами с различными диковинными предметами, был настоящий кавардак. Постамент, на котором прежде стояла древняя этрусская погребальная урна, был опрокинут, а сама урна превратилась в черепки. Большая ваза со свежими цветами, всегда стоявшая в центре зала (миссис Траск ежедневно меняла цветы), грудой осколков лежала на мраморном полу, две дюжины роз и лилий

плавали в луже воды. В дальнем конце зала, у прохода, ведущего в столовую, один из шкафов был распахнут, и дверца криво висела на одной петле. Словно кто-то, кого тащили прочь, изо всех сил цеплялся за нее.

Было совершенно ясно, что это следы отчаянной борьбы. И они вели из библиотеки через зал приемов напрямиком к входной двери особняка. И в тот мир, что лежал за этой дверью.

Проктор пробежал по залу в длинное узкое помещение, где стоял обеденный стол, за которым до недавнего времени работала Констанс, исследуя семейную историю Пендергастов. Там царил хаос: повсюду валялись книги и бумаги, стулья были перевернуты, ноутбук сброшен на пол. А в дальнем конце этой комнаты, откуда арочный проход вел в вестибюль, обнаружилось кое-что еще более тревожащее: тяжелая входная дверь — которую почти всегда запирали и уж точно никогда не держали открытой — была приотворена, впуская внутрь яркие лучи полуденного солнца.

Отмечая с возрастающим ужасом все эти следы чье-то вторжения, Проктор вдруг услышал донесшийся откуда-то из-за открытой двери приглушенный женский голос, зовущий на помощь.

Позабыв о головокружении, он бросился вперед, на бегу доставая пистолет из-за пояса. Он пробежал под аркой в вестибюль, ударом ноги распахнул входную дверь и замер под навесом крыльца, оценивая обстановку.

В дальнем конце подъездной дорожки передом к Риверсайд-драйв стоял «линкольн-навигатор» с тонированными стеклами. Его двигатель работал на холостом ходу, ближайшая к Проктору задняя дверь была открыта. Рядом с дверью стояла Констанс Грин со связанными за спиной руками. Отчаянно сопротивляясь, она повер-

нулась в другую сторону от Проктора, но это, несомненно, были ее коротко стриженные волосы и ее оливковый плащ. Мужчина, которого Проктор тоже видел со спины, с силой затолкал Констанс в машину, придерживая ей голову, и захлопнул дверь.

Проктор вскинул пистолет и выстрелил, но человек перепрыгнул через капот машины, и пуля прошла мимо. Вторая пуля от ricoшетила от пуленепробиваемого стекла, когда машина резко набрала скорость, оставив после себя облачко запаха жженой резины, и вылетела на Риверсайд-драйв. За тонированным задним стеклом мелькнули очертания Констанс, все еще яростно сопротивлявшейся. Машина, взревев двигателем, помчалась по улице и вскоре исчезла из виду.

Перед тем как похититель запрыгнул в машину, он повернул голову к Проктору, и их глаза встретились. Ошибиться было невозможно: странные разноцветные глаза, бледное точеное лицо, аккуратная бородка, рыжеватые волосы и холодный, жестокий взгляд... Это был не кто иной, как Диоген, брат Пендергаста и его непримиримый враг, которого все они считали мертвым — убитым Констанс более трех лет назад.

И теперь он появился вновь. И похитил Констанс.

Выражение глаз Диогена — свирепый, темный, неистовый блеск торжества — было настолько ужасным, что на какое-то мгновение даже у видавшего виды Проктора опустились руки. Но его оцепенение длилось лишь доли секунды. Стряхнув с себя страх и действие пентонала натрия, он бросился следом за машиной, пробежал по дорожке и одним прыжком преодолел подстриженную живую изгородь.

Проктор, в юности бывший первоклассным бегуном (он поставил рекорд на выносливость в учебном центре в Форт-Беннинге и с тех пор поддерживал физическую форму на высоком уровне), понесся за «навигатором» на полной скорости. Машина стояла под красным светом на перекрестке в полутора кварталах от дома Пендергаста. Проктор пробежал это расстояние менее чем за пятнадцать секунд. Но когда он приблизился к машине, загорелся зеленый и «навигатор» сорвался с места.

Встав в позицию для стрельбы, Проктор прицелился и выстрелил два раза в задние колеса — сначала в левое, потом в правое. Пули попали в цель, резина на обоих колесах вздрогнула от удара. Но на глазах у Проктора покрышки снова накачались со взрывным шипением. Самонаддув. «Навигатор» с Диогеном за рулем обогнул машину, ехавшую впереди, и помчался по Риверсайд, петляя среди автомобилей.

Проктор развернулся и побежал назад к особняку, засовывая пистолет за пояс и вытаскивая из кармана телефон. Его сведения о контактах Пендергаста в ФБР и других федеральных агентствах были ограниченны, а кроме того, в такой ситуации звонок в ФБР только замедлил бы дело. Это был вопрос местной полиции. Проктор набрал 911.

— Девять-один-один, чрезвычайное реагирование, — ответил бесстрастный женский голос.

Проктор добежал до особняка, ворвался в дверь и промчался по общим комнатам в заднюю часть дома. В целях безопасности и конфиденциальности его сотовый был зарегистрирован на вымышленное имя и ложный адрес, и он знал, что эта информация уже высветилась на экране оператора.

— Меня зовут Кеннет Ломакс, — сказал Проктор, используя имя прикрытия. Он снял ложную панель со стены в коридоре и вытащил оттуда тревожную сумку, которую приготовил как раз для такого чрезвычайного случая. — Я только что стал свидетелем похищения.

— Место, пожалуйста.

Засовывая в сумку «глок» вместе с дополнительными магазинами, Проктор назвал место:

— Я видел, как мужчина за волосы вытащил из дома женщину, она кричала в голос, звала на помощь. Он запихнул ее в машину и уехал.

— Описание?

— Черный «линкольн-навигатор» с тонированными стеклами, движется на север по Риверсайд.

Он назвал регистрационный номер, схватил сумку и через кухню пробежал в гараж, где стоял «роллс-ройс silver рейт» пятьдесят девятого года, принадлежащий Пендергасту.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии, сэр. Я отправляю патрули на перехват.

Проктор включил зажигание, выехал на подъездную дорожку и повернул на север по Риверсайд-драйв, оставляя за собой на асфальте полосу резины в десять футов, пока он набирал скорость, дважды проехав на красный свет. Машин было мало, и он видел на полмили

вперед. Вглядываясь сквозь дымку, он пытался разглядеть «навигатор», и ему показалось, что он заметил машину в десяти кварталах от себя.

Проктор увеличил скорость, протиснулся между двумя такси, еще раз проехал на красный свет под свирепый рев гудков. Он знал, что ввиду вероятного похищения оператор службы 911, оповестив патрульные машины, позвонит в Детективное бюро¹. А также постарается извлечь побольше информации из свидетеля похищения. Не отключая телефон, Проктор кинул его на пассажирское сиденье. Потом задействовал полицейскую рацию, установленную под приборной панелью.

Он снова придавил педаль газа, и перекрестки замелькали за окном, сливаясь воедино. «Навигатора» больше не было видно впереди, даже на прямой до квартала Вашингтон-Хайтс. Наиболее логичным маршрутом бегства для этого негодяя мог бы стать Вест-Сайд-хайвей, но въездов на эту автостраду не было на протяжении всей северной части Риверсайд-драйв. До Проктора донесся звук сирен — полиция среагировала быстро.

Внезапно в зеркале заднего вида он заметил «навигатор» — машина выехала на Риверсайд-драйв со 147-й улицы и направилась на юг. Проктор понял, что Диоген нырнул на улицу с односторонним движением против трафика и был вынужден развернуться.

Сжав губы, Проктор оценил обстановку вокруг. Потом резко повернул рулевое колесо влево. В то же время он заблокировал колеса ручным тормозом, чтобы развернуть машину заносом. Откликом на его маневр стали протестующие гудки и скрежет тормозов. Наконец ма-

¹ *Детективное бюро* — одно из двадцати бюро, составляющих нью-йоркскую полицию; обязанности этого бюро включают предотвращение, выявление и расследование преступлений.

шина развернулась на сто восемьдесят градусов, и тогда Проктор отпустил ручник и дал газ. Большая машина рванулась вслед за «навигатором». Вдали замигали проблесковые маячки, сопровождаемые воем сирен.

В пяти кварталах от Проктора «навигатор» свернул на Западную 145-ю улицу. Это было лишено всякого смысла: 145-я быстро заканчивалась тупиком на парковке Ривербэнк-Стейт-парка, зеленой зоны, созданной, по иронии судьбы, на очистных канализационных сооружениях, втиснутых между Гудзоном и Вест-Сайд-хайвеем. Неужели Диогена ждет у берега быстроходный катер?

Проктору потребовалось полминуты, чтобы пробиться через трафик и круто свернуть на Западную 145-ю. Но прежде чем продолжать погоню, ему совершенно необходимо было понять, что на уме у Диогена. Он остановил машину и, достав из сумки маленький, но мощный бинокль, оглядел ландшафт впереди: дорогу, парковку и подъездные полосы к ней. Нигде никакого черного «навигатора». Куда он делся, черт его побери?

Проктор убрал бинокль в сумку. И в этот момент краем глаза увидел справа какой-то разрыв в живой изгороди. Мало заметная боковая дорога резко поворачивала в сторону автострады Вест-Сайд-хайвей. Трава и кусты у обочины выглядели примятыми, в воздухе висела тонкая, рассеивающаяся пелена пыли, а на земле виднелись свежие отпечатки протекторов.

Проктор еще раз поднес бинокль к глазам. Вдали на автостраде он увидел «навигатор», на полной скорости движущийся на север. Проктор выругался. Предпринятые маневры позволили Диогену оторваться не меньше чем на полмили.

Снова нажав на газ, он свернул с главной дороги, проделал петляющий, опасный путь вдоль набережной

до автострады и грубо вторгся в поток машин, затем схватил с пассажирского сиденья телефон:

— Это Кеннет Ломакс. Подозреваемая машина движется на север по Вест-Сайд-хайвею, приближается к мосту Джорджа Вашингтона.

— Сэр, — спросила оператор, — почему вы так уверены?

— Потому что я ее преследую.

— Не преследуйте ее, сэр. Пусть ситуацию разругивает полиция.

Проктор редко повышал голос, но в этот момент не удержался:

— Так сделайте уже что-нибудь, черт побери, и сделайте немедленно!

Он швырнул телефон на сиденье, проигнорировав ответ оператора.

Преодолевая подъемы и ныряя под уклон, «роллс-ройс» мчался по Вест-Сайд-хайвею, который огибал Гудзон-Ривер-Гринуэй. Проктор гнал машину со скоростью более ста миль в час, зная, что Диоген делает то же самое. Впереди и наверху дыбился виадук федеральной дороги I-95, переходящий в мост Вашингтона. «Навигатора» не было видно. Возможно, Диоген съехал с трассы и погнал в Нью-Джерси, либо на Лонг-Айленд, либо в Коннектикут? Или же он остался на автостраде, чтобы проехать последний отрезок по Манхэттену и направиться на север в Уэстчестер?

Проктор опять выругался. Он пробежался по полицейским волнам и услышал переговоры патрульных машин, отвечающих на сообщение о черном «линкольн-навигаторе» с тонированными стеклами, направляющемся на север по Вест-Сайд-хайвею. Вот только «навигатор» теперь — так или иначе — покинул Вест-Сайд-хайвей.

Погоня закончилась.